

ПОЖИЛЫЕ ГОРОЖАНЕ И АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ СРЕДА ГОРОДА: ВОЗРАСТ КАК ФАКТОР СОЛИДАРНОСТИ С ПРОСТРАНСТВОМ

Татьяна Сергеевна Киенко (tatyanakienko@mail.ru)

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цитирование: Киенко Т.С. (2019) Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4): 57–87. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.3>.

Аннотация. Рассматриваются оценки аудиовизуального пространства современного города пожилыми жителями южнороссийских городов: какие городские пространства, объекты и звуки значимы, каковы ожидания в отношении городской среды, с какими возрастными группами сближаются и расходятся оценки пожилых людей, как в них реализуется статус, идентичность, солидарность с пространством. Анализ данных анкетного опроса (Южный федеральный округ, 29 городов разного размера, N=1371) показал, что пожилые люди счастливее, чем представители других возрастных групп от того, что живут в своих городах, выше оценивают состояние городской среды и общественных пространств, больше озабочены вопросами городского благоустройства, сохранения истории своего города. У пожилых жителей южнороссийских городов есть свои значимые пространства, приоритетные инфраструктуры, досуговые практики. Представители старших возрастных групп больше нуждаются в тишине и безопасности, в расширении природной, социально-культурной городской среды, но не акцентируют внимание на собственных потребностях или проявлениях возрастной социально-пространственной эксклюзии. Рост солидарности с пространством прямо коррелирует с социальным и биологическим возрастом человека не только в силу более глубокого практического освоения пространства в процессе социализации, но и в силу особенностей социального конструирования категорий возраста и старости, социально-психологических особенностей старения. Аудиовизуальная городская среда для пожилого человека содержит и современный облик, и утраченные предметно-пространственные атрибуты прошлого, связанные со значимыми событиями, людьми, прежним статусом, образом жизни. Пожилые люди транслируют «консервативные» ценности, привычные способы коммуникаций, берут на себя функцию хранителей уходящей историко-культурной памяти и утраченных пространств, реализуя солидарность с пространством, собственным статусом, своим поколением, демонстрируя «ожидаемое» поведение в рамках «социальной желательности». Знакомые предметы, люди и пространства обеспечивают безопасность, защиту, выступают факторами адаптации и социально-психологического здоровья. Высокая значимость солидарности с пространством для благополучного социального старения актуализирует задачу развития благоприятной «возраст-дружественной» среды в российских городах.

Ключевые слова: пожилой человек, возраст, социальное пространство, аудиовизуальная среда, городская идентичность, привязанность к месту, солидарность с пространством, «возраст-дружественная» среда.

Пожилой человек и «возраст-дружественная» среда в современных городских исследованиях

Современная урбанистика активно обращается к междисциплинарным исследованиям связи человека с пространством, в которых социологический ракурс занимает одно из ключевых мест. Рост внимания к роли социального и человеческого факторов в городских исследованиях проявляется в развитии концепций устойчивого развития («higher sustainability»), городского разнообразия («urban space diversity», «lived diversity»), гибких городов («flexible city»), мобильности, пространственного синтаксиса, контактов, пространственной непрерывности («spatial continuity»). Социальные отношения становятся центром городских исследований, основой интеграции контактных гипотез и городского разнообразия, междисциплинарных подходов, номотетической и феноменологической парадигм (Wessel 2009). В практиках городского планирования и благоустройства объекты, инфраструктуры, модели землепользования начинают рассматриваться как взаимосвязанные, социально ориентированные (Hillier 2008), аудиовизуально экологичные, наполненные смыслом социокультурные пространства, «soundscapes», «landscapes» (Greider, Garkovich 1994; Hong et al. 2017; Hong et al. 2013; Roggema 2020). В проектах мульти- (поли-) культурных городов и сетевых городских сообществ, в кросс-культурных исследованиях (Jeon et al. 2018), в дизайнерских решениях смешения физических форм, типов зданий, дорог, инфраструктур и людей разных социальных классов, культур, возрастов, рас воплощаются попытки реализации идей свободы, недискриминации, толерантности, включенности (Salama, Thirshtein 2012). Актуализируется проблема социально-пространственной эксклюзии: «The means to exclude of people from urban space have grown increasingly sophisticated and deceptive» (Wessel 2009: 15). Городская идентичность рассматривается в контексте социальной идентичности, социальных и институциональных факторов (Дягилева 2013; Федотова 2017; Соловей и др. 2019), статусов и потребностей горожан (Заборова, Исламова 2013; Кораблева, Меренков 2015), социально-пространственной мобильности и взаимодействий (Meijering 2019; Ярская-Смирнова, Ярская-Смирнова 2018).

В свете демографического старения и роста «возрастных городов» активизируются исследования жизнедеятельности, благополучия, соци-

альной активности пожилых людей в контексте пространственных факторов. Взаимоотношения пожилых людей с пространством связываются со степенью урбанизации и размерами городов, формами и длительностью проживания, доступностью магазинов и транспорта, ухода и общения, социальными ролями и включенностью в группы, субъективными оценками и предпочтениями в отношении пространства (Pease et al. 2006). Идентичность, привязанность к месту пожилых горожан и жителей сельской местности рассматриваются в единстве физического, социального, временного, психологического измерений категории «дома» (Burholt 2006), в контексте социальной изоляции и включенности (Smith 2009), межпоселенческих и соседских связей, статуса (Evans 2009), семейных отношений (Huang 2012; Fallahi, Momtaz 2018). Анализируются проявления стереотипов, эйджизма в планировании и дизайне жилых комплексов для пожилых (Petersen, Warburton 2012), в повседневных публичных дискурсах, обусловленных организацией городского пространства (транспорт, магазины, кинотеатры, улицы, парки), жилья и специализированного ухода (Minichiello et al. 2005: 1–34; 144–167). Особое внимание уделяется анализу пространственных аспектов старения и идентичности пожилого человека в домашних и специализированных условиях, в пространстве социальных стационаров, домов и поселков для пожилых (Graham et al. 2005; Sixsmith et al. 2014; Bernard et al. 2012; Klaassens, Meijering 2015).

Получает развитие принцип проектирования городов с учетом возрастных особенностей и потребностей старшего поколения — благоприятствующих возрасту, «возраст-дружественных», «age-friendly» (Lui et al. 2009; Van Hoof et al. 2018; Van Hoof et al. 2019). Первого октября 2007 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) инициировала создание глобальной сети ВОЗ для городов и сообществ с благоприятными условиями для пожилых людей (Global Network for Age-friendly Cities and Communities) и выпустила первое глобальное руководство по созданию «возраст-дружественных» городов, включающее широкий спектр рекомендаций: от оформления доступной среды, озеленения улиц, строительства приспособленных для потребностей пожилых людей домов, работы общественного транспорта до формирования уважительной к возрасту городской культуры (Global Age-Friendly cities: a guide 2007). «Возраст-дружественная» среда, сообщества и отношения («age-friendly cities, communities and environments») становятся востребованной областью социальной практики, предметом научных исследований, задачей международного сообщества. В рамках ВОЗ действуют «Программа по созданию окружающей среды, благоприятной для пожилых людей», возраст-дружественный сайт мира «Age-friendly World», европейская платформа «AGE

Europe», база данных возраст-дружественных практик «Global Database of Age-friendly Practices»; глобальная сеть ВОЗ в 2019 г. насчитывает 937 «возраст-дружественных» городов и общин в 46 странах мира (Age-friendly World website). На 69-й сессии Всемирной Ассамблеи здравоохранения формирование благоприятной для пожилых людей среды отнесено к числу стратегических задач проекта Глобальной стратегии и плана действий по старению (Global Strategy And Action Plan on Ageing and Health 2017; Многосекторальные действия... 2016). В свете отмеченных тенденций, изучение отношений пожилых людей с пространством и поиск связей возраста с оценками социокультурной и предметно-пространственной среды городов видятся актуальными.

Проблема и цель исследования

В настоящем исследовании на эмпирических данных рассмотрены особенности оценок аудиовизуального пространства современного города пожилыми жителями южнороссийских городов, вопросы городской идентичности, солидарности с пространством. Гипотезой стало предположение о росте солидарности горожан с пространством с увеличением их социального и биологического возраста как функции социального старения и возрастной социализации. Объектом являются пожилые люди — жители южнороссийских городов, предметом выступают особенности оценок городской аудиовизуальной среды пожилыми горожанами, проявлениями солидарности с пространством, территориальной и городской идентичности (в сравнении с другими социально-демографическими группами).

Аудиовизуальная среда современного города как социокультурное пространство

Методологическая рамка исследования строится на мультипликации идей социального конструирования реальности (Бергер, Лукман 1995), принципов социологии города (Зиммель 1999; Зиммель 2002), социологии пространства (Лефевр 2000; Ло 2006; Бурдьё 2007; Филиппов 2008), визуальной социологии (Штомпка 2007), современных городских исследований в целях анализа оценок пространства пожилыми людьми в единстве социальных, культурных и предметно-пространственных аспектов. Категория пространства понимается двойственно: как пространственно-временной континуум и как существующая реальность, как «space» («area», зона, территория) и «place» (место), как форма существования материи (протяженность, площадь) и как место. В социологическом дискурсе пространство рассматривается как социальное и культурное, инструмент

мысли и действия, средство производства и контроля (Лефевр 2000: 27), как особая реальность, «форма существования социума» (Барковская 2013: 49), как место, в котором реализуются коммуникации и смыслы, символические проявления статуса, власти, видов капитала (Бурдьё 2007). Аудиовизуальная среда современного города в качестве многомерного социокультурного пространства коммуникаций и взаимодействий, очерченных ценностями и нормами (Ремизова 2012) выступает в единстве и динамике актуальных социальных и вневременных культурных смыслов (Сараф 2011: 16–17), пространственного и институционального, информационного и ценностного измерений, соответствующих конкретным территории, времени, культуре (Тартыгашева, Цыбиков 2018: 138–139). Городское пространство наполнено как социальными структурами и институциональными формами, так и социокультурными феноменами, обыденными практиками, знаками, движением, музыкой, ритмами, зашифрованными в аудиовизуальной городской среде (Амин, Трифт 2002: 20). Аудиовизуальная среда города динамична и мультисемантична, наполнена объектами, процессами и событиями, обладающими универсальными и субъективными смыслами («studium» и «punktum») (Барт 1997); смыслами, заданными «создателями» и воспринятыми или пережитыми «читателями»; репрезентациями пространств и пространствами репрезентаций. В пространстве города отражаются, конструируются, интерпретируются, трансформируются и транслируются ценности и смыслы, нормы и границы, способы и правила коммуникации и стратификации. Это предполагает относительную свободу интерпретаций, ограниченную как материальной природой объектов и пространств, так и субъективными особенностями и возможностями «читателей», нормами и ценностями культуры и социума, социальным местом, позицией, статусом человека в социальной структуре. Мы обращаемся к анализу возраста как составляющей статуса, социально заданному ракурсу, «точке зрения» или «призме», через которую интерпретируется видимое и слышимое.

Аудиовизуальное пространство большого города перенасыщено объектами, неупорядочено, динамично. Стремление упорядочить хаос постоянно конструирующего пространства приводит горожанина к необходимости формализации: не имея возможности сблизиться с каждым объектом или проявлением аудиовизуального, он осваивает поверхностное пространственное восприятие «пространства вообще», фиксацию «чистой формы» (в интерпретации Александра Филиппова, восходящей к кантовской трактовке) (Филиппов 2008). Формализуя, структурируя и дифференцируя аудиовизуальное, мы «отбираем» или «отбрасываем» объекты, образы и звуки, выстраиваем их связи, сети и потоки, в «знако-

мое» социокультурное пространство попадают лично- и социально-значимые пространства (наделенные универсальной ценностью для данного общества/региона/города или отдельных социальных групп и субкультур, отобранные в силу влияния на выбор социальных ролей, общественного мнения, традиций и стереотипов). Формализация перенасыщенного аудиовизуального пространства связана с появлением «нового вида социальной связи», восприятия городской жизни (Трубина 2011: 51), с избирательностью и гибкостью, прагматичностью и фрагментарностью, а также с утилитаризацией ежедневно видимого и слышимого и безразличным, неценностным отношением к нему (зачем «вожделеть» то, чего в избытке, в чем нет ценности?» /Зиммель 1999: 309–346/). Реальные объекты и звуки городского пространства в среде мегаполиса становятся привычными, слитными, однообразными, превращаются в городские «шумы», отходят на задний план или полностью «выходят из поля зрения»; «аудиовизуальное загрязнение» городских пространств создает предпосылки к «близости» горожан (Зиммель 2002: 5–6) и утрате социальных связей с пространством.

Пожилые горожане, городская идентичность и солидарность с пространством

В отечественных городских исследованиях при анализе отношений человека и пространства применяются понятия «городской и территориальной идентичности» (Дягилева 2013; Ваньке, Полухина 2018; Правоторова, Кондратьева 2018), «территориального сознания» (Богданова, Щукина 2006), «персонализации пространства/среды» (Плюснин 1990). В англоязычных текстах чаще используются понятия чувства места («sense of place»), привязанности к месту («place attachment»), идентичности с местом («place identity»), городской социальной идентичности («urban-related identity»). Анализ содержания и соотношений данных категорий представлен в ряде обзорных работ (Самошкина 2008; Hashemnezhad et al. 2013; Counted 2016). Территориальная идентичность определяется как осознание своей принадлежности к единому территориальному, социальному и культурному пространству и сообществу (Самошкина 2008), как «индивидуальное и коллективное «чувство принадлежности», связанное с приданием субъективного смысла «привязанности» к определенному месту, району, населяющим его людям, расположенным в нем предметам и объектам» (Ваньке, Полухина 2018: 6). Городская идентичность как результат идентификации с конкретной городской общностью, символикой, социальными нормами (Дягилева 2013: 56) и идентичность с городом как часть личной биографии (Дягилева 2013: 55; Правоторова, Кондратьева 2018: 71)

выступают составляющими территориальной и в целом социальной идентичности (Правоторова, Кондратьева 2018: 72–77). Понятие «чувства места» («sense of place») связано с субъективным эмоциональным образом социокультурно переосмысленного в личном опыте пространства в разных аспектах (биографическом, духовном, идеологическом и т.д.) и уровнях (от знания к идентичности, привязанности, приверженности и даже жертвенности ради места) (Hashemnezhad et al. 2013: 110–112). Привязанность к месту («place attachment») используется как социальная категория в контексте длительности проживания в определенном месте, социальной включенности, статусов, социальных и институциональных связей, взаимодействий, удовлетворенности, оценок, ожиданий и пр. (см.: Hashemnezhad et al. 2013: 115). Формами привязанности к месту можно считать идентичность с местом («place identity» как «пересечение социальных представлений о месте с идентичностью», «включенность в группу по месту проживания») и городскую социальную идентичность («urban-related identity» как взаимодействие городской идентичности с опытом, восприятием и познанием) (Самошкина 2008: 47). Авторами предпринимаются попытки интеграции феноменологических и номотетических подходов, целостных моделей и комплексных измерений человека, места и социальных процессов («people-place relationships and experiences» /Counted 2016/), однако разработка сопоставимых категорий и общепринятых подходов еще не завершена.

Разрабатывая теоретико-методологические основы социологии пространства, Александр Филиппов ввел понятие «солидарности с пространством» как приверженности к территории в результате ее практического освоения и рефлексии, когнитивного, социального, эмоционального, эстетического и прочего осмысления (Филиппов 2008: 262). Категория солидарности с пространством позволяет, на наш взгляд, объединить субъективные аспекты отношений человека с пространством (персональную идентичность, чувство места) и социальные (групповую и коллективную идентичность, сплоченность, привязанность к месту). В настоящей работе опорными выступают понятие «солидарности с пространством» как приверженности к территории, идентичности с социокультурным и предметным пространством в личном и социальном опыте, а также понятие идентичности с пространством как территориальной, в том числе локальной, городской идентичности, привязанности к месту («place attachment»). Следуя подходу И.С. Самошкиной, автор понимает процессы формирования и развития территориальной и городской идентичности как фактор и функцию социализации личности в целом (Самошкина 2008: 49).

Формирование идентичности с пространством продолжается всю жизнь как непрерывный и неотъемлемый элемент социализации, как наслаивание, напластование ценностей, смыслов, исторической и культурной памяти, опыта, взаимодействий в процессах жизнедеятельности, в ходе духовного и практического освоения пространства, «пространственном опыте» (Орлова 2018: 276). Процессы социализации связаны с пространственными факторами: по-разному протекают в большом, малом городе и деревне (см.: Самошкина 2008: 49–50); ландшафты отражают самоидентификацию людей в культурных контекстах и реконструируются в ответ на меняющиеся представления людей о себе (Greider, Garkovich 1994); трансформация пространства (строительство новых объектов, изменение облика районов и городов, культурных практик) способна привести к снижению или усугублению социального неравенства и эксклюзии, взаимодействия или противостояния, сохранения или обесценивания и вытеснения культур, социальных групп, исторической и культурной памяти (Ваньке, Полухина 2018: 22–28). Оценки пространства связаны с социально-стратификационными характеристиками горожан: представители различных классов, групп и сообществ воспринимают окружающее пространство сквозь призму своего статуса и социальных ценностей (Ваньке, Полухина 2018), исследования городской идентичности демонстрируют различия мнений экспертов и обычных горожан (Федотова 2017: 43), коренных жителей и приезжих, представителей разных поколений (Кораблева, Меренков 2015: 148–247).

Особые отношения с пространством складываются в связи с возрастом. Длительность проживания в городе, районе, на определенной территории («стаж» и глубина идентичности со статусом, исполнение роли «жителя региона», «горожанина») усиливают связи человека с пространством. В анализе отношений пожилых людей с пространством соединяются категории социального и биологического возраста. Старение как социально-биологический процесс связано с трансформацией образа жизни и деятельности, активности и коммуникаций, ценностей и социальных установок, адаптации и идентичности. С возрастом у человека, как правило, наблюдается снижение адаптационных ресурсов, гибкости, мобильности, открытости к изменениям, растет значение ценностей консерватизма и нетерпимость к асоциальным проявлениям, но также доверие к людям и ценности заботы (Коротаев и др. 2019: 139), исследователи отмечают у пожилых людей повышенное чувство солидарности и альтруизма (Радина, Поршнева 2014: 154). Устоявшаяся система ценностей, привычных практик, потребность в стабильности и предсказуемости определяют привязанность к привычному, хорошо знакомым людям,

отношениям, вещам, пространству собственного дома, улицы, района, города, страны. М.Э. Елютина отмечает особую привязанность пожилых людей к старым вещам, объясняя это стремлением к безопасности, «самозащитой» старыми вещами от социальных и пространственных изменений, обнаруживая в этом способ сохранения социальной памяти (Елютина 2009: 105–106). С.И. Резниченко выявил, что привязанность к дому растет в старшем возрасте и выступает ресурсом психологического здоровья и благополучия (Резниченко 2016).

Рост с возрастом привязанности к месту и особую роль знакомого пространства, «дома» для пожилых обнаруживают практически все ученые, изучающие пространственные аспекты старения (Graham, Chaudhury 2005; Burholt 2006; Peace et al. 2006; Smith 2009; Sixsmith et al. 2014; Meijering 2019). Рассматривая приоритеты в области городского развития, Надежда Радина и Александр Поршневы обнаружили связь возраста с просоциальными характеристиками солидарности и альтруизма, обозначив гипотезу возрастной социализации и общественно-политической активности пожилых как «ресурс изменений» (Радина, Поршневы 2014: 141–158).

Полностью разделяя идею возрастной социализации и корреляции взросления и старости с ростом солидарности, автор тем не менее обращает внимание на отмеченный, но не проясненный исследователями нерациональный, идеализированный характер готовности пожилых респондентов участвовать в изменениях городских пространств (Радина, Поршневы 2014: 149, 153). К особенностям социальной позиции пожилых россиян социологи относят социальный пессимизм, понижение собственных притязаний и обращение к резервным способам социального приспособления вместо активного поиска новых возможностей (Козырева, Смирнов 2017). Высокий уровень солидарности и альтруизма пожилых горожан автор предлагает интерпретировать не как признак социально-политической активности, а как инструмент защиты и безопасности в окружении знакомого, присвоенного и предсказуемого пространства, средство адаптации, социальной причастности и включенности в жизнь знакомой предметной и социокультурной среды.

Материалы и методы

В 2018 г. в рамках проекта РФФИ «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры» научным коллективом при участии автора был проведен опрос жителей 29 городов Южного федерального округа. В опросе принял участие 1371 респондент, стратификация осуществлялась по субъектам Южного федерального округа

(Адыгея, Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Республика Крым и город федерального значения Севастополь), по типам городов (мегаполис, большой, крупный, средний, малый). В ходе анализа данных обнаружилась определенная специфика оценок городского пространства респондентами разных возрастных групп. Несмотря на нерепрезентативный характер выборки (145 респондентов в возрасте до 17 лет, 626 респондентов в возрасте 18–30 лет, 273 респондента в возрасте 31–44 лет, 184 респондента в возрасте 45–59 лет и 129 человек старше 60 лет, из них 31,8 % мужчин и 68,2 % женщин), отмечены и представлены в статье особенности восприятия и оценки аудиовизуальных пространств современных городов пожилыми людьми: как они «видят» и «слышат» город, какие визуальные объекты и звуки для них значимы, оцениваются как привлекательные, а какие не представляют интереса, раздражают, каковы их потребности и ожидания в отношении городской среды, с какими возрастными группами сближаются и расходятся их мнения, как в оценках и предпочтениях проявляется статус, территориальная и городская идентичность, солидарность с пространством.

Результаты исследования: как пожилые горожане «видят» и «слышат» город

Эмпирические данные свидетельствуют о корреляции возраста горожанина и солидарности с городским пространством. Почти 55 % респондентов старшего возраста отметили, что «этот город и жизнь в нем делают их счастливыми», в то время как среди молодежи 18–30 лет такой ответ дали около 37 %, почти 39 % лиц в возрасте до 17 лет и около 46 % жителей 30–59 лет. Почти вдвое меньше (8 %) в сравнении с другими возрастными группами (от 11 до 17 %) среди респондентов старшего поколения людей, ответивших, что «в этом городе трудно быть счастливым», и немного ниже процент считающих, что «жизнь в этом городе не связана с ощущением счастья или полноты жизни» (37 % среди пожилых людей и от 40 до 50 % в других подгруппах). При этом важно отметить, что идентичность пожилых людей со статусом горожанина не является абсолютной и однозначной: «горожанином, жителем города» себя ощущают 64,3 % лиц старше 60 лет, среди молодежи таких 67,6 % (в возрасте до 17 лет) и 65,3 % (18–30 лет), среди респондентов среднего возраста — 74,4 % (31–44 лет) и 71,2 % (45–59 лет). Среди пожилых людей отмечен самый высокий показатель территориальной идентичности: 30,2 % ощущают себя «жителем области, края», в то время как другие возрастные группы показывают около 22 %.

Вопрос о том, что связывает людей с их городом, сопряжен с существенными возрастными различиями: молодежь выбирает наличие друзей, широкий выбор возможностей для досуга, интересной жизни, люди среднего возраста называют работу, а пожилые респонденты на первые места ставят варианты «здесь живут мои родственники» (48 %), «здесь я родился и вырос» (43 %) и «здесь жили мои родители» (35,6 %). Ожидаемым является отмеченное снижение с возрастом роли фактора рождения в данном городе как привлекательного (его отметили свыше 50 % молодежи и 43–44 % респондентов среднего и пожилого возраста) и рост значения наличия жилья (ответ «здесь у меня хорошая квартира» дали 1,4 % юношества, 17,6 % молодежи, 28 % людей среднего возраста и 41 % пожилых людей). Вариант «Ничего не связывает, я хотел бы уехать отсюда» среди юношества выбрали 18,6 %, среди молодежи — 13 %, среди лиц среднего возраста — 8 %, а среди респондентов старше 45 лет — около 7 %. Итак, с возрастом идентичность с городом растет.

Таблица 1

**Ответы на вопрос «Гостеприимен ли ваш город для приезжих?»
(по возрастным группам)**

Возраст респондентов		До 17 лет включительно	18–30 лет	31–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Гостеприимен ли ваш город для приезжих?	Да	82,5 %	80,2 %	81,6 %	83,6 %	86,8 %
	Нет	17,5 %	19,8 %	18,4 %	16,4 %	13,2 %

Исследование в целом показало, что жители мегаполисов и крупных городов в наименьшей степени удовлетворены своим городом, состоянием его публичных пространств, архитектурой и планировкой, чистотой и городскими шумами в сравнении с жителями больших, средних и малых городов (чем крупнее город, тем ниже процент удовлетворенности по различным показателям, в диапазоне от 40 до 70 %). Однако во всех типах городов среди респондентов в возрасте старше 60 лет больше людей, считающих свой город уютным и привлекательным (80 % в сравнении с 67–77 % среди других подгрупп), гостеприимным (табл. 1), чистым (табл. 2).

Пожилые респонденты реже называют свой город шумным (табл. 3), выше оценивают состояние общественных пространств, парков и скверов, улиц и площадей, но оценки состояния собственного двора несущественно отличны от оценок других возрастных групп.

Чем старше респонденты, тем больше им нравится их город: среди лиц старше 60 лет таких 88,3 %, среди горожан 45–59 лет — 87 %, 31–

Таблица 2

**Ответы на вопрос «Считаете ли вы своей город чистым?»
(по возрастным группам)**

Возраст респондентов		До 17 лет включительно	18–30 лет	31–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Считаете ли вы своей город чистым?	Да	44,8 %	37,6 %	46,9 %	42,5 %	49,6 %
	Нет	55,2 %	62,4 %	53,1 %	57,5 %	50,4 %

Таблица 3

**Ответы на вопрос «Считаете ли вы своей город шумным?»
(по возрастным группам)**

Возраст респондентов		До 17 лет включительно	18–30 лет	31–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Считаете ли вы своей город шумным?	Да	37,2 %	48,4 %	33,8 %	33,5 %	28,7 %
	Нет	62,8 %	51,6 %	66,2 %	66,5 %	71,3 %

44 лет — 83,5 %, молодежи — 82 %, юношества — 76,9 %. Заметна прямая корреляция возраста горожан и их знакомства с городской историей и культурой: 80,6 % пожилых респондентов знают, каким историческим личностям и событиям их город обязан своим появлением (среди юношества таких 63 %, в остальных подгруппах 73–74 %); пожилые респонденты называют больше ученых, защитников Отечества и политических деятелей — уроженцев своих городов, чаще отмечают наличие в городах мемориальных досок, памятников, рассказывающих об основателях города и его истории; знают стихотворения и песни, посвященные городу (табл. 4).

Анализ восприятия визуальных объектов и сред показал, что к числу наиболее привлекательных визуальных объектов городской среды жители

Таблица 4

**Ответы на вопрос «Известны ли вам песни или стихотворения,
посвященные вашему городу?» (по возрастным группам)**

Возраст респондентов		До 17 лет включительно	18–30 лет	31–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Известны ли вам песни или стихот- ворения, посвя- щенные вашему городу?	Да	54,9 %	65,8 %	61,9 %	71,8 %	75,2 %
	Нет	45,1 %	34,2 %	38,1 %	28,2 %	24,8 %

включенных в исследование южно-российских городов относят, как правило, центральные улицы и площади, парки и набережные, реже — музеи и памятники, торговые центры и новостройки. Среди эстетически привлекательных объектов пожилые люди указывают (в порядке убывания) газоны и клумбы, деревья, здания и их архитектурный дизайн, скульптуры и мемориальные комплексы. В целом эти объекты выделяют и представители других возрастных групп, но для пожилых людей значительно важнее природная визуальная среда (деревья — 48,8 %, газоны, клумбы — 51,2 %), чем для молодежи (32–36 %) и лиц среднего возраста (40–50 %). Следует отметить, что роль исторической памяти для старшего поколения более значима: в качестве эстетически привлекательных объектов мемориальные комплексы отмечены 27,1 % пожилых респондентов и 20–22 % представителями других подгрупп. В числе объектов, куда стоит повести своего гостя, пожилые люди называют парки и театры, известные улицы и площади (как и представители других возрастных групп); храмы, церкви указывают только пожилые люди (однако мечеть или хурул выбирается всеми возрастными группами примерно с одинаковой частотой); филармонии и музеи пожилые называют в 2–3 раза чаще; свой дом (представители других возрастных групп этот вариант не предлагают). Тем не менее респонденты старше 60 лет называют ограниченное число вариантов (1–2, редко больше двух), в то время как представители прочих возрастных групп дают широкий спектр вариантов (в целом выделено свыше тысячи объектов).

Таблица 5

**Ответы на вопрос «Как вы считаете, что характерно для открытых публичных пространств вашего города»
(по возрастным группам)**

Возраст респондентов	До 17 лет включительно	18–30 лет	31–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Переполненность рекламной информацией	43,4 %	35,9 %	30,4 %	26,1 %	22,5 %
Избыток иноязычной информации	9,7 %	7,3 %	4,4 %	8,7 %	10,1 %
Недостаток воспитательной, культурной, ценностной составляющей в убранстве улиц	41,4 %	47,9 %	53,1 %	52,2 %	58,1 %
Другое	5,5 %	8,8 %	12,1 %	13,0 %	9,3 %

Чем крупнее город, тем чаще горожане обозначают проблему избытка рекламной информации, говорят об эстетической непривлекательности, грамматических ошибках, иноязычной лексике в рекламе. Хотя пожилые люди обращают внимание на рекламу в той же мере, что и представители других возрастных подгрупп, чаще сообщают об избыточности коммерческой и недостаточности социальной рекламы в городах, их это не так раздражает, как более молодых горожан; для старшего поколения важнее недостаток воспитательной, культурной, ценностной составляющей в убранстве улиц (табл. 5). Пожилые люди не приветствуют в публичных пространствах наличие иноязычной лексики, хотя и относят это к числу признаков гостеприимства городов. Если среди молодежи более 50 % респондентов сообщили, что им приятно видеть в городе надписи, объявления и рекламу на иностранных языках (как свидетельство открытости и современности их городов), то среди респондентов среднего возраста таких около 35 %, а среди пожилых — 23,3 %. Более половины опрошенных старше 60 лет сказали, что надписи в публичных городских пространствах должны быть выполнены только на государственном языке (среди молодежи — 10–15 %, среди лиц 31–44 лет — 24,2 %, среди граждан 45–59 лет — 37,5 %).

В рамках представленного исследования проводился анализ восприятия городских звуков респондентами. Обнаружено, что жителям мегаполисов и крупных городов чаще мешают городские звуки, чем жителям малых и средних городов. В целом горожанам приятны природные и неприятны антропогенные звуки (деление аудиовизуальных элементов городской среды на естественные — воспринимаемые людьми как приятные и желанные, и антропогенные — воспринимаемые как неприятные и раздражающие, принято в современной урбанистике, ландшафтных и акустических исследованиях). Самыми раздражающими являются звуки скандалов (отмечены 60–68 % респондентов всех возрастов, в том числе 65,1 % пожилых людей), ремонтных работ (35,7–51,9 %, среди пожилых — 35,7 %), слишком громкая музыка (28–65,1 %, среди пожилых — 65,1 %), звуки сирен (22–28,7 %, среди пожилых — 28,7 %). Позиции пожилых респондентов во многом совпадают с мнениями других возрастных групп, но для них крайне раздражающей является громкая музыка, в то время как звуки ремонтных и уборочных работ их раздражают меньше. Пожилые люди в качестве желанных и приятных городских звуков хотели бы слышать пение птиц и шум деревьев (как и респонденты других возрастов, но в большей степени); любопытно, что звуки детских голосов к числу приятных и желанных в мегаполисах отнесли 16,5 % респондентов, в средних и малых городах — свыше 30 %, а респондентам старше 60 лет звуки

детских голосов хотелось бы слышать значительно чаще, чем представителям других возрастов (31,8 %).

Среди городских звуков пожилые респонденты чаще других слышат пение птиц, грамотную речь и звон колоколов, и реже — ненормативную лексику и жаргонизмы, что свидетельствует об избирательном отношении к городской звуковой среде. В целом с употреблением ненормативной лексики в публичных городских пространствах сталкиваются от 72,4 % (в пространствах малых городов) до 90,4 % (в мегаполисах) жителей, но жители мегаполисов к ней равнодушнее. У пожилых людей особое отношение к ненормативной лексике: хотя в их присутствии ненормативная лексика звучит реже (77 % пожилых респондентов и 81–85 % респондентов других подгрупп), но оскорбляет она их сильнее (свыше 81 %), чем молодежь (43–51 %) или лиц среднего возраста (67–80 %).

Некоторые вопросы были направлены на анализ социальной и экономической доступности объектов и сред для горожан. Принято считать, что пожилые люди ограничены в возможностях передвижений, посещения культурных и социальных объектов и мероприятий, прежде всего в силу неразвитости инфраструктуры, доступной среды и низкого экономического статуса, ограничений здоровья и передвижения, но корреляция вопроса «Есть ли в вашем городе места, которые вы хотели бы посетить, но не можете туда проникнуть из-за негласного ограничения доступа “только для своих” (или только для людей “с кошельком”)?» с возрастом респондентов показала, что респонденты старше 60 лет менее всего склонны обнаруживать проявления собственной дискриминации по этому показателю: положительно ответили 21,8 % и отрицательно — 78,2 % (среди молодежи соотношение составило 27 и 73 %, среди лиц среднего возраста — 26 и 74 %). Автор склонен считать это не столько признаком доступности для пожилых людей на Юге России социальных и культурных объектов и сред, сколько подтверждением не критичного отношения пожилых россиян к собственному статусу и возможностям, правам и свободам, заниженным притязаниям, стратегии социального приспособления, социального пессимизма (Козырева, Смирнов 2017).

На вопрос «Чего не хватает в вашем городе?» типичны ответы в общей выборке (в том числе и среди пожилых респондентов) — «людей, умеющих вести себя культурно, и интересных публичных мероприятий» (около 30 % в общей выборке); жителям мегаполисов не хватает тишины и безопасности, а жителям средних и малых городов — качественных досуговых форм (от парков и скверов, театров, музеев и концертных залов до кафе и ресторанов). Ответы на этот вопрос крайне дифференцированы в зависимости от возраста и статуса респондентов. Пожилым людям в боль-

шей степени, чем представителям других возрастных групп, не хватает безопасности, тишины и спокойствия; зданий, олицетворяющих историю города, музеев и выставок; предприятий бытового обслуживания, что позволяет планировать актуальные и востребованные направления и формы городского благоустройства с учетом выделенных запросов «возрастных» горожан. Также следует отметить, что «безопасности на улицах» не хватает прежде всего юношеству (до 17 лет) и пожилым респондентам, «наличия людей, умеющих вести себя культурно» и «предприятий бытового обслуживания» — людям старше 45 лет, в том числе пожилым; «озеленения дворов», «столов со скамейками во дворах», «чистоты» — молодежи 18–30 лет и пожилым, вопросы благоустройства дворов (например, «детских игровых и спортивных площадок во дворах», в отличие от других распределений по тому же параметру в городских парках) больше волнуют людей 31–44 лет (свыше 19 %) и людей старше 45 лет, в том числе пожилых (от 14 %) (табл. 6).

Таблица 6

**Корреляция вопроса о том, чего не хватает в городской среде
с возрастом респондентов**

Варианты ответов на вопрос «Чего не хватает в вашем городе?»	Возраст респондентов				
	До 17 лет вкл.	18–30 лет	31–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Парков и скверов	24,8 %	15,7 %	21,2 %	23,9 %	22,5 %
Тишины и спокойствия	15,2 %	15,2 %	12,5 %	14,7 %	18,6 %
Безопасности на улицах	20,7 %	16,3 %	13,6 %	14,1 %	19,4 %
Наличия людей, умеющих вести себя культурно	29,0 %	30,5 %	26,4 %	31,0 %	31,0 %
Интересных публичных мероприятий	24,1 %	27,5 %	36,3 %	26,6 %	27,1 %
Интересных театров, концертных залов	9,0 %	12,6 %	16,8 %	20,7 %	12,4 %
Кафе, баров, ресторанов высокого уровня	16,6 %	13,3 %	7,0 %	3,8 %	2,3 %
Предприятий бытового обслуживания	4,1 %	3,2 %	4,4 %	7,6 %	7,8 %
Интересных музеев и выставок	10,3 %	11,5 %	10,3 %	13,6 %	14,7 %
Красивой современной архитектуры	17,2 %	17,9 %	13,2 %	22,3 %	18,6 %
Зданий в хорошем состоянии, олицетворяющих историю города	13,1 %	14,1 %	16,1 %	15,8 %	17,8 %

Окончание таблицы 6

Варианты ответов на вопрос «Чего не хватает в вашем городе?»	Возраст респондентов				
	До 17 лет вкл.	18–30 лет	31–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Детских игровых и спортивных площадок в парках	7,6 %	5,8 %	10,6 %	6,0 %	7,0 %
Озеленения дворов	7,6 %	10,7 %	9,2 %	8,7 %	10,1 %
Столов со скамейками во дворах	5,5 %	9,6 %	7,3 %	4,9 %	8,5 %
Урн для мусора на улицах	5,5 %	12,3 %	6,6 %	12,5 %	8,5 %
Мемориальных досок с изображениями известных горожан	2,8 %	1,3 %	0,7 %	2,2 %	3,1 %
Чистоты	7,6 %	13,3 %	8,4 %	9,2 %	12,4 %
Спортклубов, фитнес-клубов и спортплощадок	6,9 %	6,2 %	5,1 %	2,2 %	0,8 %
Дискотек и ночных клубов	6,2 %	3,2 %	0,7 %	0,5 %	0,8 %
Мест, где можно посидеть и пообщаться с друзьями	15,9 %	9,4 %	3,7 %	3,8 %	2,3 %
Красивой набережной вдоль реки (озера)	6,2 %	6,9 %	7,3 %	8,2 %	7,0 %
Фонтанов	5,5 %	5,4 %	6,6 %	7,6 %	3,1 %
Другое	4,1 %	2,2 %	3,7 %	2,7 %	5,4 %

Эти особенности требуют дальнейшего изучения и учета в ходе развития инструментов и подходов к городскому планированию и благоустройству в парадигме «возраст-дружественных» городов и сообществ. Прежде всего интерес представляет обнаруженная общность потребностей представителей различных возрастных групп, что выступает основанием для развития межпоколенческого взаимодействия в решении общих проблем.

Выводы

Пожилые люди счастливы, потому что живут в своих городах, выше оценивают состояние городской среды, общественных пространств, больше озабочены вопросами городского благоустройства, чистоты, больше других нуждаются в тишине и безопасности, в расширении природной визуальной и аудиальной городской среды. С возрастом люди внимательнее относятся к истории своего города, региона, родины, к родному языку и его чистоте, к сохранению исторической памяти, воспринимают себя

хранителями и трансляторами историко-культурного наследия, культурного и социального опыта своего поколения, что может иметь связь не только с возрастом и территориальной идентичностью, но и с проявлениями «социальной желательности» (Правоторова, Кондратьева 2018: 72–77), исполнением социальных ожиданий и возрастных стереотипов. У пожилых людей есть свои значимые пространства, приоритетные инфраструктуры, досуговые практики, свои потребности, пожелания и ожидания в отношении городской среды, но они не спешат их артикулировать, «не замечают» имеющих место недостатков в организации и благоустройстве среды или обращенной на них социально-пространственной «недружелюбности», эксклюзии, что свидетельствует скорее не о доступности среды для пожилых, а о некритичном и нетребовательном отношении пожилых россиян к собственному статусу и возможностям, правам и свободам, стратегии социального приспособления.

Эмпирические данные свидетельствуют о наличии связи возраста горожан и солидарности с городским пространством, что требует обращения к категории социального возраста. Социологический подход к анализу старости как социального возраста на основе антропологических подходов, социального конструкционизма и теории жизненного цикла предлагает Шерил Лаз в концепции «возраста-как-достижения»: уход от хронологического возраста и перенос акцентов на его социальные аспекты и маркеры (Лаз 2019). Этот принцип лежит в основе современных отечественных подходов к анализу социального старения (Смолькин 2007; 2019), в том числе в рамках настоящего исследования позволяет учесть социокультурные и статусные особенности пожилых людей, их оценки городского пространства в контексте статуса, поколенческих особенностей и социальных рамок старения. Ш. Лаз обращается к вопросу сверх- и самодетерминации возраста, к обсуждению социальных и культурных инструментов *осознания* и *реализации* возраста, что позволяет нам обратить внимание на способы реализации возраста пожилыми респондентами в соответствии с нормативными социокультурными моделями, представлениями о «должном» для пожилых людей (о «подобояющих» для них функциях хранителей историко-культурной памяти или консервативных ценностях), «увидеть» в их высказываниях и оценках способы утверждения и реализации собственного статуса и представлений о роли и месте своего поколения в обществе, культуре и истории страны. Следует обратить внимание на связь территориальной и городской идентичности и привязанности к месту, городу, дому в пожилом возрасте с вероятной функцией обеспечения безопасности, защиты, предсказуемости жизни и пространства, адапта-

ции и социальной причастности, включенности через устойчивую городскую (территориальную) идентичность.

Процесс идентичности человека с пространством, территорией есть непрерывный и неотъемлемый элемент социализации. Сложная структура разновекторных, часто противоречивых этапов и уровней идентичности с пространством формируется всю жизнь, закрепляя новообразования в мировоззрении, в системе ценностей и смыслов по мере прохождения этапов жизненного пути, смены статусов, поколений и трансформации самой предметно-пространственной среды городов (переименования улиц, реконструкции районов, строительства дорог, сноса ветхого жилья и строительства жилых, деловых или торговых комплексов и т.д.). Движение по собственной жизни как социальный возраст сливается с биологическим в ключевых моментах (рождение, взросление, расцвет, старение, смерть), детализируясь сквозь призму личной, социальной, культурной, профессиональной биографии. В процессе жизни значимые этапы, события и люди хранятся в памяти, «врастают» в систему ценного, лично и социально значимого вместе с «местами», где они проходили, предметно-пространственной средой. Пожилые люди связаны с городами своего проживания всей своей жизнью, многослойной памятью о лично и социально значимом опыте взаимодействия с людьми, городскими объектами, историей города и края, где они родились, где жили их родители, родные и близкие, где расположен их дом. Эта память (социальная и личная, историческая и культурная, деятельная, когнитивная и эмоциональная) углубляет привязанность, солидарность с пространством. Пожилые люди знакомы не только с современной аудиовизуальной средой своего города (как он выглядит и «звучит» сегодня), но и с теми образами города, которые живут в памяти: они помнят парки и площади, фонтаны и памятники, уличное освещение и маршруты общественного транспорта, трущобы и свалки, рестораны и магазины, рыночную толчею и праздничные шествия такими, какими они их видели и слышали во времена детства и юности, взросления и зрелости, сохраняя в памяти их былые социальные и индивидуальные смыслы и ценности. Если «новая» социокультурная реальность для пожилого человека менее знакома и значима, чем «старая», в попытке адаптации, включенности, реализации статуса, ценностей и привычных способов коммуникаций пожилые люди транслируют прежние («консервативные») ценности, сохраняют смыслы утраченных пространств, исторической и культурной памяти. Солидарность с пространством для пожилого человека выступает инструментом защиты и безопасности в окружении знакомого, присвоенного и предсказуемого пространства, средством адаптации, соци-

альной причастности и включенности в условиях знакомой предметной и социокультурной среды, инструментом осознания и реализации статуса и соответствия социальным нормам и ожиданиям.

У пожилых людей есть свои значимые пространства и объекты; они обращают большое внимание на прошлое и настоящее, историю и состояние социальной, культурной и предметно-пространственной городской среды. Однако состояние публичных и частных пространств российских городов, отечественные практики городского планирования и благоустройства свидетельствуют о невнимании к интересам и потребностям старшего поколения и неготовности к созданию «возраст-дружественных» городских сред, сообществ и отношений. Если для семейных людей строятся жилые комплексы с равернутой инфраструктурой, парковки и гипермаркеты, стадионы и парки, для детей и подростков — детские игровые и спортивные площадки, школы и центры развития, для молодежи — коворкинги, досуговые клубы, фитнес-центры, кафе и бары, то для людей старшей возрастной группы в типичном российском гоорде практически нет комфортных мест развития, отдыха и досуга, социально-бытовой и социокультурной инфраструктур, учитывающих их потребности и особенности. При этом сами пожилые люди не акцентируют внимание на проблеме «недружелюбности» среды и сообществ к ним, стараются не замечать проявлений социально-пространственной эксклюзии, что подтверждает актуальность разработки теории и практики благоприятной для пожилых людей среды в российских городах и селах.

Выражение благодарности

Исследование выполнено в Южном федеральном университете на средства гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00841/19) по теме «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры».

Литература

- Амин Э., Трифт Н. (2002) Внятность повседневного города. Пер. с англ. С. Баньковской. *Логос*, 3(4): 1–25.
- Барковская А. (2013) Социологическая интерпретация категории «социальное пространство». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия*, 1(19): 49–55.
- Барт Р. [1980] (1997) *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. Пер. с фр., коммент. и послесл. М. Рыклина. М.: Изд-во «Ad Marginem».
- Бергер П., Лукман Т. [1966] (1995) *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум.

Богданова Л.П., Шукина А.С. (2006) Генетическая структура городского сообщества как основа формирования территориального сознания. *Социологические исследования*, 7 [https://www.isras.ru/socis_2006_7.html] (дата обращения: 12.09.2019).

Бурдые П. (2007) *Социология социального пространства*. Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетей.

Ваньке А., Полухина Е. (2018) Территориальная идентичность в промышленных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства. *Laboratorium*, 10(3): 4–34.

Дягилева Н.С. (2013) Теоретические аспекты городской идентичности. *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы*. Екатеринбург: УрФУ: 54–59.

Елютина М.Э. (2009) Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни. *Социологические исследования*, 7: 101–109.

Заборова Е.Н., Исламова А.Ф. (2013) Город как социальное пространство. *Социологические исследования*, 2: 97–101.

Зиммель Г. [1900] (1999) Философия денег. *Теория общества*. Пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общая ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле: 309–346.

Зиммель Г. [1903] (2002) Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 3(4) [<http://www.zh-zal.ru/logos/2002/3/zim>] (дата обращения: 13.09.2019).

Козырева П.М., Смирнов А.И. (2017) Российские пенсионеры в условиях кризиса. *Социологические исследования*, 1: 64–72.

Кораблева Г.Б., Меренков А.В. (ред.) (2015) *Социальное пространство современного города*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Коротаяев А., Новиков К., Шульгин С. (2019) Ценности пожилых в стареющем мире. *Социология власти*, 31(1): 114–142.

Лаз Ш. Веди себя по возрасту! [1998] (2019): пер. с англ. *Социология власти*, 31(1): 146–179.

Лефевр А. [2000] (2002) Производство пространства. Пер. с фр. С.А. Эфинова. *Социологическое обозрение*, 2(3): 27–29.

Ло Дж. [2002] (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 5(1): 30–42.

Многосекторальные действия по обеспечению здорового старения на основе подхода, охватывающего весь жизненный цикл: проект глобальной стратегии и плана действий по старению и здоровью (2016) *Всемирная ассамблея здравоохранения*, 69/17; 22 апреля 2016. Доклад Секретариата ВОЗ [https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/253277/A69_17-ru.pdf?sequence=1&isAllowed=y] (дата обращения: 12.09.2019).

Орлова Е.В. (2018) Социокультурные основания городской идентичности (на примере города Оренбурга). *Манускрипт*, 11(97), ч. 2: 276–279.

Плюснин Ю.М. (1990) *Пространственное поведение человека (методы проксемических исследований)*. Новосибирск: Институт философии и права Сибирского отделения РАН, 1990.

Правоторова А.А., Кондратьева У.Г. (2018) Теоретические основания исследования городской идентичности. *Творчество и современность*, 2(6): 69–79 [https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovaniya-issledovaniya-gorodskoy-identichnosti] (дата обращения: 18.10.2019).

Радина Н., Поршнева А. (2014) Пожилые горожане мегаполисов и малых городов: солидарность, альтруизм и приоритеты в области городского развития. *Социология власти*, 3: 141–158.

Резниченко С.И. (2016) Валеологический потенциал привязанности к дому у взрослых людей. *Клиническая и специальная психология*, 5(3): 1–23. DOI: 10.17759/cpse.2016050301 [http://psyjournals.ru/files/83434/1_Reznichenko.pdf] (дата обращения: 13.09.2019).

Ремизова М. (2012) Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 10(24), ч. I: 158–162 [www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/38.html] (дата обращения: 13.01.2019).

Самошкина И.С. (2008) Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 3: 43–52.

Сараф М.Я. (2011) Культурное пространство как предмет исследования. *Пространство и время*, 4(6): 15–19.

Смолькин А.А. (2007) Социальное проектирование отношения к старости. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 1(2): 240–247.

Смолькин А.А. (2019) Социология возраста и границы социального конструирования. *Социология власти*, 31(1): 8–13.

Соловей Л.В., Ковалева М.И., Доронина И.В. (2019) Территориальная идентичность горожан в контексте пространства мегаполиса. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 11(3): 113–122. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-3-113-122.

Тартыгашева Г., Цыбиков Т. (2018) Проектирование регионального социокультурного пространства в республике Бурятия. *Социологические исследования*, 4: 138–144.

Трубина Е.Г. (2011) *Город в теории: опыты осмысления пространства*. М.: Новое литературное обозрение.

Федотова Н.Г. (2017) Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(3): 32–49.

Филиппов А.Ф. (2008) *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль.
Штомпка П., Анварова М. (2007) Введение в визуальную социологию. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 4: 6–12.

Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. (2018) Право на город в парадигме мобильности. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 45: 165–174. DOI: 10.17223/1998863X/45/17.

Age-Friendly World Website. World Health Organization [<https://extranet.who.int/agefriendlyworld/>] (дата обращения: 1.10.2018).

Bernard M., Liddle J., Bartlam B., Scharf Th., Sim J. (2012) Then and Now: Evolving Community in the Context of a Retirement Village. *Ageing and Society*, 32(1): 103–129. DOI 10.1017/S014468X11000079.

Burholt V. (2006) «Adref»: Theoretical Contexts of Attachment to Place for Mature and Older People in Rural North Wales. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 38(6): 1095–1114. DOI: 10.1068/a3767 [<https://doi.org/10.1068/a3767>] (дата обращения: 18.09.2019).

Counted V. (2016) Making Sense of Place Attachment: Towards a Holistic Understanding of People-place Relationships and Experiences. *Environment, Space, Place*, 8(1): 7–32. DOI: 10/5840/espace2016811 [https://www.researchgate.net/publication/307318934_Making_Sense_of_Place_Attachment_Towards_a_Holistic_Understanding_of_People-Place_Relationships_and_Experiences] (дата обращения: 18.09.2019).

Evans S. (2009) «That Lot Up There and Us Down Here»: Social Interaction and a Sense of Community in a Mixed Tenure UK Retirement Village. *Ageing and Society*, 29(2): 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1017/S014468X08007678>.

Fallahi B., Momtaz Y.A. (2018) Urban Space Preferences among Older Adults from a Sociodemographic Perspective. *Bali Medical Journal*, 7(3): 544–549. DOI: 10.15562/bmj.v7i3.1183 [https://www.researchgate.net/publication/330013935_Urban_Space_Preferences_among_Older_Adults_from_a_Sociodemographic_Perspective] (дата обращения: 11.10.2019).

Global Age-friendly Cities: A Guide. (2007) *World Health Organization* [https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43755/9789241547307_eng.pdf?sequence=1] (дата обращения: 1.10.2019).

Global Strategy and Action Plan on Ageing and Health (2017) *World Health Organization* [<https://www.who.int/ageing/WHO-GSAP-2017.pdf?ua=1>] (дата обращения: 1.10.2019).

Graham D.R., Chaudhury H. (eds.) (2005) *Home and Identity in Late Life: International Perspectives*. N.Y.: Springer.

Greider T., Garkovich L. (1994) Landscapes: The Social Construction of Nature and the Environment. *Rural Sociology*, 59(1): 1–24. [https://www.researchgate.net/publication/227705371_Landscapes_The_Social_Construction_of_Nature_and_the_Environment] (дата обращения: 18.09.2019).

Hashemnezhad H., Yazdanfar S.A., Heidari A.A., Behdadfar N. (2013) Comparison the Concepts of Sense of Place and Attachment to Place in Architectural Studies. *Malaysia Journal of Society and Space*, 9(1): 107–117 [<http://journalarticle.ukm.my/6072/1/107-117.pdf>] (дата обращения: 09.09.2019).

Hillier B. (2008) Space and Spatiality: What the Built Environment needs from Social Theory. *Building Research and Information*, 36(3): 216–230.

Hong J., Jeon J.Y. (2017) Relationship between Spatiotemporal Variability of Soundscape and Urban Morphology in a Multifunctional Urban Area: A Case Study in Seoul, Korea. *Building and Environment*, 126: 382–395. DOI: 10.1016/j.buildenv.2017.10.021.

Hong J., Jeon J.Y. (2013) Designing Sound and Visual Components for Enhancement of Urban Soundscapes. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 134(3): 2026–2036. DOI: 10.1121/1.4817924/ URL: <http://dx.doi.org/10.1121/1.4817924>.

Huang Y. (2012) Family Relations and Life Satisfaction of Older People: A Comparative Study between Two Different Hukous in China. *Ageing and Society*, 32(1): 19–40. DOI: 10.1017/S0144686X11000067.

Jeon J.Y., Hong J., Lavandier C., Lafon J., Axelsson Ö., Hurtig M. (2018) A Cross-National Comparison in Assessment of Urban Park Soundscapes in France, Korea, and Sweden Through Laboratory Experiments. *Applied Acoustics*, 130: 107–117.

Klaassens M., Meijering L (2015) Experiences of Home and Institution in a Secured Nursing Home Ward in the Netherlands: A Participatory Intervention Study. *Journal of Aging Studies*, 34: 92–102. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2015.05.002>.

Lui Ch.-W., Everingham J., Warburton J., Cuthill M., Bartlett H. (2009) What Makes a Community Age-Friendly: A Review of International Literature. *Australasian Journal on Ageing*, 28(3): 116–121. DOI:10.1111/j.1741-6612.2009.00355.x.

Meijering L. (2019) Towards Meaningful Mobility: A Research Agenda for Movement Within and Between Places in Later Life. *Ageing and Society*, 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19001296> [https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/21331FE5CF5707A602D97343FEA4FABC/S0144686X19001296a.pdf/towards_meaningful_mobility_a_research_agenda_for_movement_within_and_between_places_in_later_life.pdf] (дата обращения: 19.10.2019).

Minichiello V., Coulson I. (eds.) (2005) *Contemporary Issues in Gerontology. Promoting Positive Ageing*. L.; N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Group.

Peace Sh., Holland C., Kellaher L. (2006) *Environment and Identity in Later Life*. Maidenhead, UK: Open University Press.

Petersen M., Warburton J. (2012) Residential Complexes in Queensland, Australia: A Space of Segregation and Ageism? *Ageing and Society*, 32(1): 60–84. DOI: 10.1017/S0144686X10001534.

Roggema R. (2019) Landscape First! Nature-Driven Design for Sydney's Third City. In: *Nature Driven Urbanism*. DOI: 10.1007/978-3-030-26717-9_5 [<https://www>].

researchgate.net/publication/336263704_Landscape_First_Nature-Driven_Design_for_Sydney's_Third_City] (дата обращения: 13.09.2019).

Salama A.M., Thierstein A. (2012) Rethinking Urban Diversity. *Open House International*, 37(2): 4–6.

Sixsmith J., Sixsmith A., Malmgren Fänge A., Nauman D., Kucsera C., Tomson S., Woolrych R. (2014) Healthy Ageing and Home: The Perspectives of Very Old People in Five European Countries. *Social Science & Medicine*, 106: 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.01.006>.

Smith A. (2009) *Ageing in Urban Neighbourhoods: Place Attachment and Social Exclusion*. Bristol, UK: Policy Press.

Van Hoof J., Kazak K.J., Perek-Białas M.J., Peek T.M.S. (2018) The Challenges of Urban Ageing: Making Cities Age-Friendly in Europe. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(11). DOI: 10.3390/ijerph15112473 [https://www.researchgate.net/publication/328786920_The_Challenges_of_Urban_Ageing_Making_Cities_Age-Friendly_in_Europe] (дата обращения: 11.09.2019).

Van Hoof J., Dikken J., Buttigieg S.C., van den Hoven R.F.M., Kroon E., Marston H.R. (2019) Age-Friendly Cities in the Netherlands: An Explorative Study of Facilitators and Hindrances in the Built Environment and Ageism in Design. *Indoor and Built Environment*, 0(0) 1–21. DOI: 10.1177/1420326X19857216 [https://www.researchgate.net/publication/333844814_Age-friendly_cities_in_the_Netherlands_An_explorative_study_of_facilitators_and_hindrances_in_the_built_environment_and_ageism_in_design] (дата обращения: 12.09.2019).

Wessel T. (2009) Does Diversity in Urban Space Enhance Intergroup Contact and Tolerance? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 91(1): 5–17 [[http://www.urbanlab.org/articles/Wessel %20div %20urb %20tolerance.pdf](http://www.urbanlab.org/articles/Wessel%20div%20urb%20tolerance.pdf)] (дата обращения: 01.10.2019).

ELDERLY CITIZENS AND AUDIOVISUAL ENVIRONMENT OF THE CITY: AGE AS A FACTOR OF SOLIDARITY WITH SPACE

Tatiana Kienko (tatyankienko@mail.ru)

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Citation: Kienko T. (2019) Pozhilyye gorozhane i audiovizual'naya sreda goroda: vozrast kak faktor solidarnosti s prostranstvom [Elderly Citizens and the Audiovisual Environment of the City: Age as a Factor of Solidarity with Space]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(4): 57–87 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.3>.

Abstract. The article considers the peculiarities of perception of the audiovisual space of Southern Russian cities by elderly citizens: what urban objects and sounds are significant for them; what are their expectations about the urban environment; how their evaluations compare to other socio-demographic groups; how status, territorial identity, and solidarity with space are manifested in older people's perceptions. The analysis of survey data (Southern Russian District, 29 cities of various sizes, N=1371) showed that older people are happier than other age groups to live in their cities; they assess the state of the urban environment and public spaces higher; they are more concerned with issues of urban improvement and preservation of the history of their city. Elderly residents of Southern Russian cities have their own significant spaces, priority infrastructures, leisure practices. Representatives of older age groups are more in need of silence and security, in expanding the natural, socio-cultural urban environment, but do not focus on their own needs or manifestations of age-specific socio-spatial exclusion. The growth of solidarity with space directly correlates with the social and biological age of a person, not only due to a deeper practical development of space in the process of socialization, but also due to the peculiarities of social construction of categories of age and old age, social and psychological characteristics of aging. The audiovisual urban environment for an elderly person contains both a modern look and lost spatial attributes of the past associated with significant events, people, previous status, lifestyle. Older people broadcast "conservative" values, familiar ways of communication, take on the role of custodians of historical and cultural memory and lost spaces, realizing solidarity with space, their own status, their generation, demonstrating "expected" behavior within the framework of "social desirability". Familiar objects, people and spaces provide safety, protection, act as factors of adaptation and socio-psychological health. For an elderly person, familiar things, people and spaces provide a sense of safety, protection (which the elderly need especially acutely), and act as factors of adaptation and social and psychological health. The high importance of solidarity with space for successful social aging actualizes the task of developing a favorable "age-friendly" environment in Russian cities.

Keywords: elderly person, age, social space, audiovisual environment, urban identity, space solidarity, place attachment, age-friendly environments.

Acknowledgements

The study was performed with financial support by the grant from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project no. 18-011-00841/19 "Developing audiovisual environment of a modern Russian city in the context of preservation and broadcast of ethical values of the Russian culture").

References

- Age-Friendly World Website. *World Health Organization* [<https://extranet.who.int/agefriendlyworld/>] (accessed: 1.10.2018).
- Amin A., Thrift N. (2002) Vnyatnost' povsednevnogo goroda [The Intelligibility of Everyday City]. Transl. from English by S. Bankovskaya. *Logos*, 3-4: 1-25 (in Russian).
- Barkovskaya A. (2013) Sociologicheskaya interpretaciya kategorii «social'noe prostanstvo» [Sociological Interpretation of the Category «Social Space»]. *Vestnik Volgo-*

gradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. [Bulletin of Volgograd State University. Episode 7. Philosophy], 1(19): 49–55 (in Russian).

Barthes R. [1980] (1997) *Camera lucida. Kommentarij k fotografii*. [Camera Lucida. The Comment to the Photo]; Per. s fr., komment. i poslesl. M. Ryklina. Moscow: Izd-vo «Ad Marginem» (in Russian).

Berger P., Luckmann T. [1966] (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti: Traktat po sociologii znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium (in Russian).

Bernard M., Liddle J., Bartlam B., Scharf Th., Sim J. (2012) Then and Now: Evolving Community in the Context of a Retirement Village. *Ageing and Society*, 32(1): 103–129. DOI 10.1017/S014468X11000079.

Bogdanova L.P., Shchukina A.S. (2006) Geneticheskaya struktura gorodskogo soobshchestva kak osnova formirovaniya territorial'nogo soznaniya [The genetic structure of the urban community as the basis for the formation of territorial consciousness]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research] 7 [https://www.isras.ru/socis_2006_7.html] (accessed: 12.09.2019) (in Russian).

Bourdieu P. (2007) *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Pervod s francuzskogo N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Burholt V. (2006) «Ahref: Theoretical Contexts of Attachment to Place for Mature and Older People in Rural North Wales. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 38(6): 1095–1114. DOI: 10.1068/a3767 [https://doi.org/10.1068/a3767] (accessed: 18.09.2019).

Counted V. (2016) Making Sense of Place Attachment: Towards a Holistic Understanding of People-place Relationships and Experiences. *Environment, Space, Place*, 8(1): 7–32. DOI: 10/5840/espace2016811 [https://www.researchgate.net/publication/307318934_Making_Sense_of_Place_Attachment_Towards_a_Holistic_Understanding_of_People-Place_Relationships_and_Experiences] (accessed: 18.09.2019).

Dyaghileva N.S. (2013) Teoreticheskiye aspekty gorodskoy identichnosti [Theoretical aspects of urban identity]. In: *Branding malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy* [Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects]. Yekaterinburg: UrFU, 2013: 54–59 (in Russian).

Yelyutina M.E. (2009) Pozhilyye lyudi i staryye veshchi v povsednevnoy zhizni [Elderly people and old things in everyday life]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 7: 101–109 (in Russian).

Evans S. (2009) «That Lot up There And us Down Here»: Social Interaction and a Sense of Community in a Mixed Tenure UK Retirement Village. *Ageing and Society*, 29(2): 199–216. DOI: https://doi.org/10.1017/S0144686X08007678.

Fallahi B., Momtaz Y.A. (2018) Urban Space Preferences among Older Adults from a Sociodemographic Perspective. *Bali Medical Journal*, 7(3): 544–549. DOI: 10.15562/bmj.v7i3.1183 [https://www.researchgate.net/publication/330013935_Urban_Space_Preferences_among_Older_Adults_from_a_Sociodemographic_Perspective] (accessed: 11.10.2019).

Fedotova N.G. (2017) Formirovaniye gorodskoy identichnosti: faktornyy i institutsional'nyy aspekty [The formation of urban identity: factor and institutional aspects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(3): 32–49 (in Russian).

Filippov A.F. (2008) *Sociologiya prostranstva* [Sociology of Space]. St. Petersburg: Vladimir Dahl (in Russian).

Global Age-friendly Cities: A Guide. (2007) *World Health Organization*: 82 [https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43755/9789241547307_eng.pdf?sequence=1] (accessed: 1.10.2019).

Global Strategy and Action Plan on Ageing And Health. 2017. *World Health Organization*: 56 [<https://www.who.int/ageing/WHO-GSAP-2017.pdf?ua=1>] (accessed: 1.10.2019).

Graham D.R., Chaudhury H. (eds.) (2005) *Home and Identity in Late Life: International Perspectives*. New York: Springer.

Greider T., Garkovich L. (1994) Landscapes: The Social Construction of Nature and the Environment. *Rural Sociology*, 59(1): 1–24 [https://www.researchgate.net/publication/227705371_Landscapes_The_Social_Construction_of_Nature_and_the_Environment] (accessed: 18.09.2019).

Hashemnezhad H., Yazdanfar S.A., Heidari A.A., Behdadfar N. (2013) Comparison the Concepts of Sense of Place and Attachment to Place in Architectural Studies. *Malaysia Journal of Society and Space*, 9(1): 107–117 [<http://journalarticle.ukm.my/6072/1/107-117.pdf>] (accessed: 09.09.2019).

Hillier B. (2008) Space and Spatiality: What the Built Environment needs from Social Theory. *Building Research and Information*, 36(3): 216–230.

Hong J., Jeon J.Y. (2017) Relationship between Spatiotemporal Variability of Soundscape and Urban Morphology in a Multifunctional Urban Area: A Case Study in Seoul, Korea. *Building and Environment*, 126: 382–395. DOI: 10.1016/j.buildenv.2017.10.021.

Hong J., Jeon J.Y. (2013) Designing Sound and Visual Components for Enhancement of Urban Soundscapes. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 134(3): 2026–2036. DOI: 10.1121/1.4817924/ [<http://dx.doi.org/10.1121/1.4817924>] (accessed: 1.10.2018).

Huang Y. (2012) Family Relations and Life Satisfaction of Older People: A Comparative Study Between Two Different Hukous in China. *Ageing and Society*, 32(1): 19–40. DOI: 10.1017/S0144686X11000067.

Jeon J.Y., Hong J., Lavandier C., Lafon J., Axelsson Ö., Hurtig M. (2018) A Cross-National Comparison in Assessment of Urban Park Soundscapes in France, Korea, and Sweden Through Laboratory Experiments. *Applied Acoustics*, 130: 107–117.

Klaassens M., Meijering L. (2015) Experiences of Home and Institution in a Secured Nursing Home Ward in the Netherlands: A Participatory Intervention Study. *Journal of Aging Studies*, 34: 92–102. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2015.05.002>.

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2017) Rossiyskie pensionery v usloviyakh krizisa [Russian Pensioners in Conditions of Crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (1): 64–72 (in Russian).

Korableva G. B., Merenkov A.V. (eds.) (2015) *Sotsial'noye prostranstvo sovremennogo goroda* [Social space of the modern city]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta (in Russian).

Korotaev A., Novikov K., Shulgin S. (2019) Cennosti pozhiyih v stareyushchem mire [The Values of the Elderly in an Aging World]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 31(1): 114–142. (in Russian).

Laz Ch. [1998] (2019) Vedi sebya po vozrastu! [Act Your Age!]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 31(1): 146–179 (in Russian).

Law J. [2002] (2006) Obyekty i prostranstva [The Objects and Space]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 5 (1): 30–42 (in Russian).

Lefebvre H. (2002) Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2(3): 27–29 (in Russian).

Lui Ch.-W., Everingham J., Warburton J., Cuthill M., Bartlett H. (2009) What Makes a Community Age-Friendly: A Review of International Literature. *Australasian Journal on Ageing*, 28(3): 116–121. DOI:10.1111/j.1741-6612.2009.00355.x.

Meijering L. (2019) Towards Meaningful Mobility: A Research Agenda for Movement Within and Between Places in Later Life. *Ageing and Society*, 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19001296> [https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/21331FE5CF5707A602D97343FEA4FABC/S0144686X19001296a.pdf/towards_meaningful_mobility_a_research_agenda_for_movement_within_and_between_places_in_later_life.pdf] (accessed: 19.10.2019).

Minichiello V., Coulson I. (eds.) (2005) *Contemporary Issues in Gerontology. Promoting Positive Ageing*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.

Mnogosektoral'nyye deystviya po obespecheniyu zdorovogo stareniya na osnove podkhoda, okhvatyvayushchego ves' zhiznennyy tsikl: proyekt global'noy strategii i plana deystviy po stareniyu i zdorov'yu [Multi-sectoral actions to ensure healthy aging based on a life-cycle approach: draft global strategy and action plan on aging and health] (2016) *World Health Assembly*, 69/17; April 22, 2016. Report of the WHO Secretariat [https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/253277/A69_17-ru.pdf?sequence=1&isAllowed=y] (accessed: 12.09.2019) (in Russian).

Orlova E.V. (2018) Sotsiokul'turnyye osnovaniya gorodskoy identichnosti (na primere goroda Orenburga) [Sociocultural foundations of urban identity (the city of Orenburg)]. *Manuskript* [Manuscript], 11(97), pt. 2: 276–279 (in Russian).

Peace Sh., Holland C., Kellaher L. (2006) *Environment and Identity in Later Life*. Maidenhead, UK: Open University Press.

Petersen M., Warburton J. (2012) Residential Complexes in Queensland, Australia: A Space of Segregation and Ageism? *Ageing and Society*, 32(1): 60–84. DOI: 10.1017/S0144686X10001534.

Pravotorova A.A., Kondratyeva U.G. (2018) Teoreticheskiye osnovaniya issledovaniya gorodskoy identichnosti. [Theoretical foundations of the study of urban identity]. *Tvorchestvo i sovremennost*. [Creativity and modernity], 2(6): 69–79 [<https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovaniya-issledovaniya-gorodskoy-identichnosti>] (accessed: 23.09.2019) (in Russian).

Radina N., Porshnev A. (2014) Pozhilye gorozhane megapolisov i malyh gorodov: solidarnost', al'truizm i priority v oblasti gorodskogo razvitiya [Older Citizens of Megacities and Small Towns: Solidarity, Altruism and Urban Development Priorities]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 3: 141–158 (in Russian).

Remizova M. (2012) Interpretatsiya ponyatiya «sotsiokul'turnoe prostranstvo» v klassicheskoy sociologii [Interpretation of the Concept Of «Socio-Cultural Space» in Classical Sociology]. *Istoricheskoe, filosofskie, politicheskoe i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical,

Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice], 10(24), pt. 1: 158–162 [www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/38.html] (accessed: 13.01.2019) (in Russian).

Reznichenko S.I. (2016) Valeologicheskiy potentsial privyazannosti k domu u vzroslykh lyudey. [Valeological potential of home attachment in adults] *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and special psychology] 5(3): 1–23. DOI: 10.17759/cpse.2016050301 [http://psyjournals.ru/files/83434/1_Reznichenko.pdf] (accessed: 13.09.2019) (in Russian).

Roggema R. (2019) *Landscape First! Nature-Driven Design for Sydney's Third City*. In book: Nature Driven Urbanism. DOI: 10.1007/978-3-030-26717-9_5 [https://www.researchgate.net/publication/336263704_Landscape_First_Nature-Driven_Design_for_Sydney's_Third_City] (accessed: 13.09.2019).

Salama A.M., Thierstein A. (2012) Rethinking Urban Diversity. *Open House International*. 37(2): 4–6.

Samoshkina I.S. (2008) Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as a subject of socio-psychological research] *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye»* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series «Psychology. Pedagogy. Education», 3: 43–52 (in Russian).

Saraf M.Y. (2011) Kul'turnoe prostranstvo kak predmet issledovaniya [Cultural Space as a Subject of Research] *Prostranstvo i vremya* [Space and Time], 4(6): 15–19 (in Russian).

Simmel G. [1900] (1999) *Filosofiya deneg* [Philosophy of Money]. In: *Teoriya obshchestva* [Theory of society]. Per. s nem., angl.; vstup. stat'ya, sost. i obshchaya red. A.F. Filippova. Moscow: KANON-pess-C; Kuchkovo pole: 309–346 (in Russian).

Simmel G. [1903] (2002) Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' [Big Cities and Spiritual Life] *Logos*: 3(4) [http://www.zh-zal.ru/logos/2002/3/zim.htm] (accessed: 13.09.2019) (in Russian).

Sixsmith J., Sixsmith A., Malmgren Fänge A., Nauman D., Kucsera C., Tomson S., Woolrych R. (2014) Healthy Ageing and Home: The Perspectives of Very Old People in Five European Countries. *Social Science & Medicine*, 106: 1–9. DOI: https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.01.006.

Smith A. (2009) *Ageing in Urban Neighbourhoods: Place Attachment and Social Exclusion*. Bristol, UK: Policy Press.

Smolkin A.A. (2007) Social'noe proektirovanie otnosheniya k starosti. [Social Engineering of Relationships in Old Age]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Technical University], 1(2): 240–247 (in Russian).

Smolkin A.A. (2019) Sociologiya vozrasta i granicy social'nogo konstruirovaniya [Sociology of Age and Boundaries of Social Construction]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 31(1): 8–13 (in Russian).

Solovey L.V., Kovaleva M.I., Doronina I.V. (2019) Territorial'naya identichnost' gorozhan v kontekste prostranstva megapolisa [Territorial Identity of Citizens in the Context of Megapolis Space]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 11(3): 113–122. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-3-113-122 (in Russian).

Stompka P., Anvarova M. (2007) Vvedenie v vizual'nuyu sociologiyu [Introduction to Visual Sociology]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 4: 6–12 (in Russian).

Tartygasheva G., Cybikov T. (2018) Proektirovanie regional'nogo sociokul'turnogo prostranstva v respublike Buryatiya [Design of Regional Socio-Cultural Space in the Republic of Buryatia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 4: 138–144 (in Russian).

Trubina Y.G. (2011) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The city in theory: experiments on the comprehension of space]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Van Hoof J., Kazak K.J., Perek-Bialas M.J., Peek T.M.S. (2018) The Challenges of Urban Ageing: Making Cities Age-Friendly in Europe. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(11). DOI: 10.3390/ijerph15112473 [https://www.researchgate.net/publication/328786920_The_Challenges_of_Urban_Ageing_Making_Cities_Age-Friendly_in_Europe] (accessed: 11.09.2019).

Van Hoof J., Dikken J., Buttigieg S.C., van den Hoven R.F.M., Kroon E., Marston H.R. (2019) Age-Friendly Cities in the Netherlands: An Explorative Study of Facilitators and Hindrances in the Built Environment and Ageism in Design. *Indoor and Built Environment*, 5(11): 1–21. DOI: 10.1177/1420326X19857216 [https://www.researchgate.net/publication/333844814_Age-friendly_cities_in_the_Netherlands_An_explorative_study_of_facilitators_and_hindrances_in_the_built_environment_and_ageism_in_design] (accessed: 12.09.2019).

Vanke A., Polukhina E. (2018) Territorial'naya identichnost' v industrial'nykh rajonah: kul'turnye praktiki zavodskih rabochih i deyatel'ey sovremennogo iskusstva [Territorialnaya Identity in Industrial Districts: Cultural Practices and Plant Workers and Leaders of Modern Art]. *Laboratorium* [Laboratorium], 10(3): 4–34 (in Russian).

Wessel T. (2009) Does Diversity in Urban Space Enhance Intergroup Contact and Tolerance? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 91(1): 5–17 [<http://www.urbanlab.org/articles/Wessel%20div%20urb%20tolerance.pdf>] (accessed: 01.10.2019).

Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. (2018) Pravo na gorod v paradigme mobil'nosti [The right to the city in the mobility paradigm]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 45: 165–174. DOI: 10.17223/1998863X/45/17 (in Russian).

Zaborova E.N., Islamova A.F. (2013) Gorod kak sotsial'noye prostranstvo [City as a social space]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2: 97–101 (in Russian).